

Посвящается острову Ибица и его жителям

Реальность не всегда вероятна или правдоподобна.

Хорхе Луис Борхес

*Ангелы с небес
Падают и расправляют крылья, словно голуби,*

*Пока мы идем, взявшись за руки, —
Сестры, братья, мы достигнем земли обетованной.*

Джо Смут,

«Земля обетованная»

Дорогая миссис Уинтерс,

Надеюсь, вы не против, что я вам пишу.

Возможно, вы еще помните меня. Вы преподавали нам математику в Холлибруке. Мне уже 22 года, я заканчиваю университет. И вам будет приятно узнать, что я изучаю математику!

На пасхальные каникулы я случайно встретил в городе мистера Гупту и спросил его про вас, и он рассказал мне все новости. Сожалею о смерти вашего мужа. Мистер Гупта сказал, что вы переехали в Испанию. Моя бабушка в свое время вернулась в Гренаду, хотя и не бывала там с семилетнего возраста, но после переезда она обрела там счастье. Так что надеюсь, вы довольны переездом за границу.

Я тоже недавно столкнулся с горем. Мама умерла два года назад, и после этого я погрузился в отчаяние. Я не слишком-то лажу с отцом, и мне стало трудно сосредотачиваться на учебе в университете. Моей сестренке (возможно, вы помните Эстер) еще больше сейчас нужна поддержка. Я подвел свою девушку, и она рассталась со мной. Происходили и другие неприятные события. Порой мне очень трудно тянуть все это на себе. Кажется, моя жизнь predetermined с юности и все уже известно наперед. Иногда становится трудно дышать – настолько мне тяжело.

Я застрял в какой-то последовательности, напоминающей числовую, например Фибоначчи: 0, 1, 1, 2, 3, 5, 8, 13, 21 и так далее, – и чем дальше я продвигаюсь, тем эта последовательность событий все меньше удивляет. И я не просто обнаруживаю, что следующее число получается посредством сложения двух предыдущих, я понимаю, что все, что ждет меня впереди, уже предрешено. И по мере того как я становлюсь старше и позади меня остается все больше чисел, последовательность становится все более предсказуемой. Ничто не может нарушить ее. Раньше я верил в Бога, но больше я не верю ни во что. Я любил, но сам все испортил. Порой я себя ненавижу. Я все порчу. Я постоянно виню себя во всем. Я слишком много пью, и это мешает учебе, и из-за этого я тоже чувствую вину, ведь мама хотела, чтобы я старался.

Я смотрю на то, что происходит в мире, и вижу, что весь наш человеческий вид встал на путь саморазрушения. Будто бы это

запрограммировано, еще одна последовательность. И мне просто надоело быть человеком – крошечным существом, которое ничего не может изменить в мире. Все кажется невозможным.

Не знаю, зачем я пишу вам это. Просто хотелось поделиться с кем-то. И вы всегда были добры ко мне. Я во тьме, и мне нужен свет. Простите. Это звучит слишком пафосно. Но я должен подавать хороший пример своей сестре.

Прошу, не чувствуйте себя обязанной отвечать на это. Но все, что вы напишете, я приму с благодарностью. Простите за длинное письмо.

*Спасибо,
Морис (Огастин)*

Дорогой Морис,

Я так тебе благодарна.

Я не слишком-то привыкла отвечать на письма, да и вообще нечасто их получаю. Я вообще не «сизжу» в интернете. Меня нет в соцсетях. У меня всего-то один мессенджер, и даже им я редко пользуюсь. Но я почувствовала, что на твое послание я должна ответить, и ответить вдумчиво.

Очень сочувствую, что тебе приходится переживать такое. Я помню твою маму по родительским собраниям. Мне она нравилась. Помню, она была серьезной, но в уголках ее рта рождалась легкая улыбка, когда она говорила о тебе. Ты явно ее радовал. Просто тем, какой ты есть. А это настоящее достижение, особенно для подростка.

Я начала писать тебе ответ, и он все рос и рос, вышел за пределы скромного письма.

Я собиралась написать это уже давно, если уж быть честной, и твое письмо меня подстегнуло.

Я хочу рассказать тебе историю, в которую мне и самой с трудом верится. Прошу, не чувствуй себя обязанным верить мне на слово. Но знай, что ничего из этого не выдуманно. Я никогда не верила в магию, да и до сих пор не верю. Но порой то, что кажется волшебством, – просто жизнь, которую мы пока еще не понимаем.

Не могу обещать, что моя история подтолкнет тебя поверить в невозможное. Но эта история столь же правдива, как и любая другая: о женищине, которая считала, что в ее дальнейшем существовании нет никакого смысла, а потом она обрела величайший смысл, какой только знала, и, думаю, я обязана поделиться этим. Я определенно не пример для подражания, как ты, скорее всего, поймешь. За свою жизнь я слишком часто чувствовала себя виноватой. И отчасти это история о чувстве вины. Надеюсь, она будет тебе полезна.

Я прикрепил свой рассказ в приложении.

*С наилучшими пожеланиями,
Грейс Уинтерс*

Унылая история

Жила как-то давно одна старушка, и была у нее самая скучная жизнь во всей вселенной.

Старушка редко покидала свой коттедж, разве что выбиралась к врачу, или помочь в благотворительном магазине, или навестить могилки на кладбище. Она больше не занималась садом. Он зарос травой, на клумбах было полно сорняков. Раз в неделю она заказывала доставку продуктов. А жила она в центральном графстве. В Линкольне. В Линкольншире. В городке с домами из оранжевого кирпича, где часто проводят ярмарки, она прожила всю свою взрослую жизнь – ну, если не считать учебы в Халлском университете.

Ты знаешь, где это.

И все было бы не так уж плохо, но улицы стали менее приветливыми. Все труднее становилось разглядеть и половину ее теплых воспоминаний за досками объявлений и рваными афишами.

Весь день она сидела дома: смотрела телевизор, или читала случайную книгу, или разгадывала кроссворды, или играла в Wordle^[1], чтобы держать свой ум в тонусе. Наблюдала за птицами в саду или разглядывала маленькую пустую теплицу, пока часы на каминной полке продолжали отмерять время. Когда-то она была рьяным садоводом. Но четыре года назад у нее умер муж, их померанский шпиц, Бернارد, вскоре последовал за ним, и сейчас, хотя ей было всего семьдесят два года, она ощущала себя глубоко одинокой. Впрочем, одинокой она чувствовала себя уже более тридцати лет. Со второго апреля 1992 года, если уж быть точной. В этот день она полностью утратила смысл и цель в жизни и больше их не обрела. Но за последние годы одиночество стало ее единственной и осязаемой реальностью, так что она ощущала себя примерно на сто тридцать два года. Она почти ни с кем не общалась. Все ее друзья либо умерли, либо переехали, либо отделились. У нее осталось всего два контакта в мессенджере: Анжелы из Британского фонда исследований сердечно-сосудистых заболеваний^[2] и Софи, золовки, которая переехала в Перт, в Австралию, тридцать три года назад.

Но несмотря на все печальные события прошлого, именно тот давний день в апреле отзывался в ней с особой силой. Смерть ее сына, Дэниела, стала самым тяжелым и разрушительным событием, а когда происходит столь значимая трагедия, она ведет к другим горестям и неудачам, подобно тому как из ствола дерева произрастают ветви. Жизнь продолжалась. Они с мужем, Карлом, со временем переехали в этот одноэтажный коттедж, пытаюсь наладить свою жизнь, но это не помогло, и они сидели в нем молча, смотрели телевизор или слушали радио. Муж всегда был непохож на нее. Он любил тяжелый рок и настоящий эль, но в действительности был тихоней. Трагедия плоха тем, что отравляет все, что случается после. Порой пара утешалась тем, что погружалась в общие воспоминания, но когда Карл умер, сделалось еще тяжелее, ведь воспоминаниями стало не с кем делиться. Они постепенно затухали в ее памяти. Поэтому всякий раз, глядя на себя в зеркало, она видела лишь наполовину живого человека. Медленно падающее дерево в нехоженном лесу.

А еще у нее были трудности с деньгами.

Ее сбережения утекли в пустоту. Мошенник с уютным шотландским акцентом притворился сотрудником службы безопасности банка, она сглупила и помогла ему, и он украл 22390 фунтов стерлингов и 27 пенсов, которые они с Карлом накопили вместе. Долгая история, в которой участвовали несколько хитрецов и одна старая смешная дуреха (привет-привет!), но тебе повезло, и речь сейчас не об этом.

Как бы то ни было, эта пожилая дама с больными ногами просто сидела дома, стараясь не отвечать на письма незнакомцев, позволив своей унылой жизни плыть по течению, словно та была пустым шуршащим целлофановым пакетом, упавшим в реку. Единственное, что вызывало у нее интерес, – появление зяблика или скворца у птичьей кормушки на заднем дворике, и она наблюдала за птицами, вдыхая затертые воспоминания и потухшие мечты.

Извинения

Прости. Это было немного пафосно и меланхолично. Говорить о себе в третьем лице. Я просто *описываю обстановку*. История будет занимательной, несмотря на пролог. И, как и многие радостные истории, она начнется с малоинвазивной радиочастотной облитерации вен.

Неспособность испытывать удовольствие

Я лежала вверх тормашками, когда решила полететь на Ибицу.

Операционный стол, на котором я лежала, был наклонен под таким углом, что мне казалось, я вот-вот с него соскользну. На стене висело зеркало. Я смотрела на свои растрепанные седые волосы и усталое лицо и едва узнавала себя. Я была похожа на увядшего человека. Я избегала зеркал, где только возможно.

Понимаешь, врачи пытались изменить ток крови в моих ногах. Я была вся покрыта сеткой голубых вен, словно кусок горгонзолы, и нужно было это исправить. Не из-за того, как это выглядело, но потому, что от этого у меня чесались лодыжки, возникали язвы. Моя тетушка умерла от тромба, который оторвался и вызвал легочную эмболию, так что я хотела разобраться с варикозом прежде, чем какой-то там тромб совершит в моем теле нечто подобное. Прости за избыточную информацию. Я просто хочу быть честной с тобой по максимуму, вот и говорю все как есть.

Правдиво.

Итак, пока я слушала радио, сосудистый хирург обколола мне левую ногу местным анестетиком – последний укол она ласково, но точно описала как «пчелка укусила». Затем мы перешли к основной части, в которой, как она мне объяснила, в мою лодыжку вводится катетер, чтобы сжечь большую подкожную вену изнутри при температуре 120 °С, при которой обычно «пассеруют лук».

– Скорее всего, вы что-то почувствуете...

И я почувствовала. Неприятное, но и это уже было что-то! По правде, я мало что чувствовала в последние годы. Разве что смутную, тягучую печаль. Ангедонию. Знаешь такое слово? Неспособность испытывать удовольствие. Отсутствие чувств. Что ж, это переживание стало моим на какой-то срок. Я знавала депрессию, но это была не она. У ангедонии нет интенсивности депрессии. Это просто дыра. Я просто существовала. Еда просто наполняла меня. Музыка превратилась не

более чем в ритмичный шум. Я просто, понимаешь ли, *присутствовала*.

«Скорее всего, вы что-то почувствуете».

Я к тому, что это ведь самая базовая, фундаментальная форма существования? Чувство. А жизнь без чувств, что же это тогда? Что это *было*? Я вроде как просто находилась где-то. Как стол в закрытом ресторане, все ждала и ждала, когда кто-то за него сядет.

– Подумайте о чем-то приятном...

И впервые мне оказалось не так уж и трудно представить что-то такое. Я сосредоточилась на письме, которое получила из нотариальной конторы всего лишь за пару часов до того.

Ананасы

Письмо это было необычным.

В нем говорилось, что я унаследовала собственность на Ибице, в Испании, от некоей Кристины ван дер Берг. Эта Кристина ван дер Берг умерла и оставила мне свое имущество. Или его часть как минимум. «Снова мошенники», – подумала я. Видишь ли, когда тебя уже разок облапошили, трудно не видеть воришек повсюду. Но даже если бы этого и не случилось, смешно верить, что кто-то, кого я совсем не знала, оставит мне домик на Средиземном море.

Я не сразу поняла, что это не так. Или, скажу иначе, я не сразу осознала, что Кристина ван дер Берг мне не чужая. Не совсем. Проблема в том, что имя мне ни о чем не говорило. Датская фамилия – ван дер Берг – звучала величаво, казалась выдуманной и незнакомой и сбивала меня с толку. К счастью, однако, в письме от конторы «Нотариусы Нельсон и Кемп» сообщались и другие подробности, в том числе упоминалась девичья фамилия Кристины – Пападакис.

А вот это имя уже было мне знакомо.

Кристина Пападакис была – очень недолго – учительницей музыки. Мы работали с ней в одной школе до того, как я вернулась к Карлу. (Мы встречались в университете, но он слишком спешил, так что я взяла передышку.)

Должна признать, я плохо ее знала. Помню ее очень красивой и застенчивой девушкой, довольно эффектной, а это качество в далеком 1979 году встречалось гораздо реже, чем теперь. У нее была густая челка, длинные темные волосы, она носила бусы. Напоминала мне певицу Нану Мускури^[3], только без очков. Ее отец эмигрировал из Греции в юности, сразу после войны. Она явно никогда не была в Греции, но мне, провинциалке, никогда не бывавшей у моря, она казалась воплощением средиземноморской утонченности. И она тосковала по еде, которую готовили в греческой общине Лондона, где она выросла: впервые я услышала слово «халуми» именно от нее. Она всегда ела много фруктов. Например, доставала из своего ланч-бокса изящные ломтики ананаса – не куски какие-то, и меня это весьма впечатляло. Как-то я шла мимо ее класса, когда она пела «Дождливые

дни и понедельники»^[4] – дети рты пораскрывали от восхищения. Ее голос не уступал Карен Карпентер (еще одна певица из триасового периода). Голос, от которого замирает воздух и само время.

В общем, как-то вечером, под рождественские каникулы, я задержалась в школе допоздна, украшая мишурой стенд по тригонометрии, и, охотясь за кнопками, обнаружила ее за учительским столом. Она ковыряла ногти.

– О, не надо так делать, – одернула я ее непрошено, будто она была ученицей, а не коллегой, – испортишь ведь.

Мне нравились ее ногти. Теплого терракотового оттенка. Но мне сразу стало неловко, оттого что я это сказала, особенно когда я поймала ее отрешенный взгляд. Я бестактна. Вечно я такая.

– О, прости, – сказала я.

– Что ты, не стоит извиняться, – ответила она, вымученно улыбнувшись.

– У тебя все хорошо?

И тут она излила мне душу. Ее не было в школе неделю – а я и не заметила. Ей было тяжело. Она ненавидела Рождество. Ее ныне бывший жених сделал ей предложение год назад в Сочельник. Учитывая, что она недавно переехала, у нее не было здесь родственников. Так что я пригласила ее на Рождество к себе.

Вот как все случилось. Она пришла, мы слушали поздравление королевы, смотрели «Голдфингер»^[5], «Блонди» в «Топе поп-песен» пели «Воскресную девчонку»^[6]. Именно тогда Кристина призналась мне, что мечтает собирать толпы. Мы выпили несколько бутылок «Блю Нан», точно не лучший стабилизатор настроения, и я извинилась, что у меня нет ананасов. Мы проболтали допоздна.

Ей казалось, что она совершенно не приспособлена к жизни. Чувство, которое я понимаю скорее теперь, чем тогда. Ей нелегко давалось преподавание, она сомневалась в выборе карьеры. Я сказала ей, что все в Холлибруке чувствуют то же самое. В какой-то момент она упомянула Ибицу. Мы были на пороге нового десятилетия, и пакетные туры в Испанию переживали бум, а она узнала, что в новом отеле ищут певцов и музыкантов.

Я была заинтригована. Она представлялась мне загадкой, и, возможно, я задавала слишком много вопросов. Я же учительница

математики! Мне вечно нужно найти значение неизвестной переменной.

– У меня такое чувство, будто во мне есть жизнь, которую нужно прожить, но я не живу ею.

Может, она и не так это сказала. Но в целом смысл был таков. И еще она сказала:

– Я знаю, это нелепо. Я ведь гречанка, не испанка. В Греции достаточно островов. Мне стоило бы уехать на какой-то из них. Ведь я говорю по-гречески. Вроде как. Но я не знаю испанский, а ведь, чтобы жить где-то, полезно знать местный язык.

– Ты сможешь выучить испанский. Стоит сделать это, раз так хочется. Дерзай.

– Но это бессмысленно!

И тогда я сказала что-то, что совершенно мне не свойственно. Я сказала:

– Не все должно иметь смысл.

У нее глаза горели при мысли найти там работу – и я посоветовала ей попытаться, раз ей хочется, и не беспокоиться о том, что подумают люди. Уверена, я именно так и сказала, потому что помню, как подарила ей образок, который сама носила с детства, – цепочку с медальоном, на нем был изображен святой Христофор, покровитель путешественников. Я отпала от католичества, а эта вещица слишком сильно была связана с тем, как меня растили, но мне прежде не хватало духу от нее избавиться. Казалось правильным подарить ее Кристине.

– Он тебя защитит, – сказала я.

– Спасибо, Грейс. Спасибо, что помогаешь мне в этом решении.

В какой-то момент она спела «Дрозда»^[7]. Сначала соло. Весьма непроздничный выбор, но очень красивый. Она пела с такой светлой тоской, что я расплакалась. Она попыталась научить меня петь:

– Ты должна стать самой песней. Жить в ней. Забыть, что ты существуешь. Эта самая легкая песня «Битлз», – убеждала она меня. – Ну, после «Вчера». И «Желтой подводной лодки».

Оказалось, эта песня совсем непростая для исполнения. Но мы уже выпили довольно вина, нас было не смутить.

Она объяснила мне свою любовь к музыке.

– С ней мир становится шире, – сказала она, и ее глаза блестели, не в последнюю очередь от количества выпитого. – Порой я чувствую себя загнанной в ловушку, и когда я играю на фортепиано или пою, на какое-то время мне удается вырваться из нее. Музыка для меня – друг, который приходит на помощь в нужный момент. Почти как ты, Грейс.

А потом мы вышли прогуляться. Это была одна из тех морозных рождественских прогулок, когда улыбаешься каждому встречному незнакомцу. Ну, по крайней мере, тогда так делали. И все. Больше и рассказывать не о чем. Она вернулась в школу, проработала еще несколько месяцев, а потом пропала. Она больше не приходила ко мне в гости. Мы общались в учительской, хотя она и чувствовала себя в моем присутствии слегка неловко. Я не понимала этого. Как такая чудесная, талантливая девушка, мечтавшая петь на публике, собирать толпы, стеснялась того, что ей нужен был друг на Рождество. И однажды, возможно в последнюю нашу встречу, она подошла ко мне на парковке и тихонько сказала, со слезами на глазах:

– Спасибо. Знаешь, за Рождество...

И все. Не знаю, как еще выразить, как мало значения я этому придавала. Что особенного я сделала? Позвала знакомую в гости на Рождество много-много лет назад.

И вот спустя много-много лет я вдруг получаю это письмо. И в нем говорится, что Кристина умерла и завещала мне дом в Испании, за «давний добрый поступок». В нем также давалось понять, что я могу продать дом или сдать его, если переезд покажется мне чересчур «непрактичным».

Это было неожиданно – по меньшей мере. И я ощутила, что потеряла больше, чем обрела. Подругу, которой у меня никогда и не было, с тех давних пор, что теперь казались далеким сном. У меня не было планов переезжать туда. С возрастом привычки становятся все труднее переломить. Да и не хочется. Мои привычки ломались в прошлом не раз. Когда я ушла на пенсию. Когда мой муж упал запертво в теплице. Да и смерть нашего пса, Бернарда, выбила меня из колеи. И конечно, когда Дэниела, ехавшего на велосипеде, сбил фургон «Королевской почты».

А теперь, когда я все еще тосковала по замужней жизни, которая когда-то была мне в тягость, появились новые привычки. Кормить птиц по утрам. Принимать доставку еды по понедельникам. По

пятницам я волонтерила в благотворительном магазинчике от Британского фонда исследований сердечно-сосудистых заболеваний. Посещала кладбище по воскресеньям. И чувствовала бесконечную вину, горе и пустоту. И отклонялась от этого расписания едва-едва. Я обретала привычки Старения, даже не задумываясь об этом.

Но все это должно было измениться.

Под вопросом

– Простите, если это покажется грубым, – сказала я нотариусу. – Но как она умерла?

– Я думала, вы в курсе, – ответила она.

Миссис Уна Кемп. С голосом, который будто только что вынули из холодильника, и он еще не оттаял.

– Нет, – ответила я. – Тут написано только, что она умерла, в этом письме, но не сказано как. А я хотела бы узнать, как это произошло, если можно.

– Она умерла в море...

Это не прямой ответ, подумала я.

– Извините. Но как *именно*?

На том конце провода раздался вздох:

– Ох. Это еще под вопросом.

«Под вопросом».

– Извините. В каком смысле?

– В смысле, что испанские власти все еще расследуют точные обстоятельства, при которых она умерла. Они очень стараются. Но пока мы знаем наверняка только то, что нам говорят: она умерла в море.

Только спустя добрых пять минут после окончания разговора я поняла, что эта неопределенность весьма необычна. Почему все так загадочно? По словам нотариуса, Кристина недавно изменила завещание, чтобы сделать меня наследницей. Из-за этого и из-за странной идеи передать дом мне меня переполняли вопросы.

А я всегда была той, кто, столкнувшись с вопросом, тут же начинает искать ответ. Куда бы он меня ни привел.

14159

– Не бывает двух одинаковых ног... – объявила хирург. – Даже у одного человека. Даже если они выглядят идентичными. Вены всегда формируют свой узор. Как и отпечатки пальцев.

После этих слов я задумалась о математике. Все эти примеры непредсказуемости в постоянстве. Если умножить длину диаметра на число π , всегда найдешь окружность круга, хотя числа после запятой не подчиняются никакой последовательности.

3,14159 и так далее, до бесконечности, со всей – абсолютной и ошеломляющей – случайностью.

Элемент непредсказуемости есть во всех, даже самых предсказуемых событиях. И если жить так, будто непредсказуемости не существует, жизнь выбьет почву из-под твоих ног, чтобы ты принял, 14159.

Я пялилась на голую стену и перевернутые вверх тормашками часы. Я почти ничего не знала про Ибицу. Разве что это именно такое место, которое мне бы никогда в голову не пришло посетить. Или которое я бы не захотела посетить.

«Блонди» запели по радио. Не «Воскресную девчонку», а «Стеклянное сердце»^[8]. Непредсказуемость внутри закономерности. Как сама жизнь.

– Вы ведь в ближайшее время никуда не летите? – спросила хирург несколько минут спустя. – Потому что это опасно, с вашими-то ногами.

– Предлагаете мне лететь без них?

Она не оценила шутку.

– Нет, – сказала я, следя за тем, как медсестра медленно натягивает мне на ногу компрессионный чулок. – Нет. В ближайшее время я никуда не полечу.

Давненько такого не было, чтобы я заведомо говорила неправду.

И я почувствовала себя шкодой, насколько это возможно для вдовой учительницы математики. Ведь в эту секунду, все еще оставаясь вверх тормашками на операционном столе, я поняла, что у меня есть план.

План был прост и ни к чему не обязывал. Полететь на Ибицу, взяв обратный билет с открытой датой, взглянуть на дом, который по какой-то нелепой причине завещали мне, остаться там до тех пор, пока я не возненавижу его так сильно, что даже пустой коттедж с ворохом воспоминаний в Линкольне покажется мне милее.

Но прежде мне нужно было сделать кое-что еще. Мне нужно было посетить единственное по-настоящему важное для меня место. Кладбище.

Беседы с усопшими

По дороге на кладбище я столкнулась со своим прежним начальником, бывшим директором твоей школы, мистером Гуптой – он выходил из кофейни. Перекинувшись со мной парой фраз, он спросил меня, как я поживаю, но мне было грустно, и вместо того, чтобы признаться в этом, я призналась ему в другом.

– Ибица? – переспросил он. Поднял брови, сдержанно улыбнулся. – Никогда не думал, что вы из тех, кому подойдет это место.

– Да, – ответила я. – Я тоже не думала.

И вскоре продолжила свой путь.

Позже, сменив цветы на могилке Дэниела, я села на скамейку под тисом. Пялилась на простое серое надгробие, незамысловатый выгравированный шрифт с тенью, который складывался в слова.

ДЭНИЕЛ УИНТЕРС

Любимый сын.

15 марта 1981 – 2 апреля 1992

Я пробыла там в тот день около часа.

Сидела, как и всегда, молча. Я никогда не знала, что ему сказать. Его воображаемому присутствию. Дело не в том, что мне не нравилось говорить с мертвыми вне дома. С Карлом я постоянно разговаривала. Но с Дэниелом мне было трудно это делать по многим причинам. Прошло больше тридцати лет горя, мы жили уже в другом веке, даже тысячелетии, но мне все еще не хватало слов. Мне нечего было сказать, кроме как просить прощения. И как всегда, я успокаивала себя тем, что считала надгробия, складывала числа.

Я не хочу чрезмерно утяжелять эту историю разговорами о печальном, но мне бы хотелось объяснить тебе, какой он был замечательный. Я бы хотела, чтобы ты представил его. Он был не по годам высоким и худощавым, читал книги на ходу. Он был умным и веселым и даже в плохом настроении слегка улыбался, будто считал, что весь мир разыгрывает какую-то комедию. Он любил книжки из серии «Выбери себе приключение»^[9], поп-музыку, сериалы для взрослых («Блюз Хилл-стрит»^[10] он пересматривал вместе с отцом,

когда ему было всего девять лет, хоть я это и не одобряла). Сооружал себе тройные сэндвичи с ореховым маслом и «мармайтом». Рисовал комиксы о собаке, которая путешествовала во времени. Он не слишком-то любил школу, по крайней мере новую, потому что не любил спорт и не желал притворяться. Вообще, он был очень честным ребенком. Ему никогда не приходило в голову соврать. Так мне кажется. А еще он был мечтателем. Если бы он не поехал на велосипеде в тот дождливый день, он бы занялся чем-нибудь творческим. Может, стал бы иллюстратором. Он любил искусство, и ему оно давалось легко. В одиннадцать лет он нарисовал чудесную картинку – синюю птицу – и подарил ее мне на День матери, потому что знал, что я люблю птиц.

Он умер, еще не войдя в отрочество и тем более не повзрослев, так что трудно сказать, кем бы он стал. Есть два вида призраков, которые мучают нас, когда погибает юный человек. Призрак того, кем он был, и призраки тех, кем он мог бы стать. Его смерть проделала во мне дыру, которая больше никогда не зарастет. На протяжении многих лет каждый день давался мне с таким трудом, словно я участвовала в Олимпиаде. Я испытывала нескончаемый ужас от осознания, что жизнь посмела продолжиться без него. Мне было трудно не злиться. В основном на себя. *Я не должна была отпускать его на велосипеде в дождь.*

Я знаю, что ты познал скорбь, Морис, и мне так жаль, что твоя мама умерла. В первые два года после смерти Дэниела я была сама не своя. *Сама не своя.* Любопытная формулировка, верно? Я наблюдала за собой в третьем лице. За персонажем в жизни, который был похож на меня, но не был мною. Я так сильно тосковала по сыну, но еще я чувствовала, что мне не хватает и себя тоже. Такова скорбь. Она будто бы топит тебя в смерти. В смысле, ты еще биологически функционируешь, разумеется. Ты тут, дышишь, смотришь, говоришь, но уже не живешь по-настоящему.

– Я люблю тебя, – наконец-то прошептала я. – Я уеду ненадолго. Я буду думать о тебе каждый день. Прощай.

А потом я сделала один из тех глубоких, неуверенных вдохов, как всегда рядом с ним, сглотнула слезы, прежде чем они полились, прошла к могиле Карла неподалеку. Мне всегда казалось, что это тропинка во времени. Ты ведь понимаешь, о чем я, когда я говорю о

кладбищах? Каждый ряд – новая эпоха, дальше и дальше. Надгробие Карла было из мрамора, только черного. Он специально просил, чтобы ему сделали надгробие из черного мрамора.

– Так более рок-н-рольно, – сказал он.

В нем было столько же рок-н-ролла, сколько в сырном сэндвиче, но ему нравилась эта музыка, а больше всего он любил «Блэк Саббат»^[11], так что это, пожалуй, объясняет его выбор.

КАРЛ УИНТЕРС

20 января 1952 – 5 октября 2020

Любящий отец и муж.

Я знаю, что слово «отец» далось ему с болью, но любовь была подлинной. Когда мы переехали в коттедж, он настоял, чтобы мы взяли с собой столько вещей Дэниела, сколько сможем. Его старые фигурки из «Звездных войн», игрушечные машинки, комиксы, альбомы для рисования, другие работы. Он будто стал музейным смотрителем, и я вечно чувствовала вину, оттого, что задыхалась, натываясь повсюду на воспоминания о сыне. Но даже когда Карл умер, я ничего не отнесла в благотворительный магазин.

– Карл, я приняла решение, – сообщила я его надгробию, стоя там на своих новеньких ногах.

Он молчал, так же как и всегда, когда я объявляла о том, что ему не нравилось. Я почти видела вживую, как он поднимает брови. Он никогда не был склонен к беседам, а его смерть не слишком-то улучшила ситуацию.

– Я лечу в Испанию. На Балеарские острова. На... *Ибицу*, прости господи. – Меня слегка передернуло, когда я сказала это. К тому же я подчеркнула название острова, когда говорила это вслух. Все кладбище слышало, насколько я безвкусна. – Прошу, не осуждай меня.

Карл бывал на соседнем с Ибицей острове, Майорке. Он провел три дня в Пальме много лет назад, на конференции по строительной инженерии. Очевидно, это было на взлете его карьеры. Но Майорка в моем сознании, полном предрассудков, вызывает у меня другие ассоциации по сравнению с Ибицей. Майорка – это сдержанный старший брат с уверенной улыбкой. А Ибицу я представляла шумным хулиганистым подростком, пошедшим вразнос. Ибица, как я ее представляла, *школа*. В одном ряду с Лас-Вегасом, Канкуном, Рио во

время карнавала и полнолунием в Таиланде – место, которое я выберу посетить в последнюю очередь, даже будь у меня деньги. Там, где проходят вечеринки для молодежи, у которой есть поводы праздновать. Или там богатые люди с ковриками для йоги. Полная противоположность мне. Я была слишком стара, мой банковский счет наводил уныние, я не танцевала десятки лет. И была глубоко убеждена, что у меня нет повода праздновать.

В общем, я была полна предрассудков. Конечно, у меня не было ни малейшего представления об Ибице. Она оставалась для меня пустым звуком. Обозначавшим шумное веселье. А я давно решила в своем мазохистском самонаказании, что любое веселье – последнее, чему я должна предаваться. Или последнее, чего я заслуживаю.

– Вряд ли я буду посещать ночные клубы... – заверила я могилу Карла.

Затем я почистила его вазу, положила в нее новую губку, прежде чем вставить в горлышко стебли хризантем. Я всегда так делала, но сегодня приложила больше усилий. Не хотела, чтобы цветы сдуло. Мне нужно было, чтобы они остались надолго.

– Итак, я не знаю, как долго меня не будет, прежде чем мы снова увидимся. Но я не продаю коттедж, ничего такого. Нет никакого продуманного плана. Я просто посмотрю, как пойдет. Сменю обстановку.

Слезинка скатилась, солнце появилась из-за облака, я ощутила его тепло. Смахнула слезу и улыбнулась какой-то женщине, тоже вдове, тщательно вытиравшей новое мраморное надгробие. Я уткнулась взглядом в траву, внезапно такую блестящую и яркую. Когда скорбишь по кому-то, видишь его послания повсюду. Даже в солнечном луче на травинке. Весь мир передает его ответы.

А затем я сказала ему то, что говорится так легко, когда уже слишком поздно.

– Я люблю тебя, милый. Увидимся позже. – А потом добавила, даже не подумав: – Прости меня за то, что я сделала.

Высокая скала

На самолете до Ибицы передо мной сидела молодежь, оживленно обсуждавшая ночные клубы. Новый, едва знакомый язык. Какой-то шифр.

– Итак... «Ушуайя» завтра, в понедельник «Ди-Си-десять» с «Цирколоко», «Амнезия» в среду, «Ушуайя», потом «Хай» в пятницу, «Паша» в субботу...

Мне пришло в голову, что я никогда не была молодой. Даже в двадцать один год я находила такое расписание – танцевать ночи напролет и спать на днем на шезлонгах под солнцем – утомительным.

Но это были милые молодые люди. Одеты во все цвета радуги, жизнерадостные, как лабрадоры. Они пытались сообразить, сколько им нужно денег на билеты, я посчитала и подсказала им, и они все разом выдохнули и пересмотрели свои планы. Бурно благодарили. Учитель всюду видит детей. Представляет, как бы они вели себя на уроке. Особенно те, что только покинули школьную скамью.

В самолете летели самые разные люди.

Непосредственно слева от меня сидел симпатичный испанец, длинноволосый, в шлепанцах, с татуировкой в виде пера на предплечье, спокойный, как буддистский монах, терпеливо пытающийся читать. Справа полноватая женщина средних лет, сильно надушенная, с поднятым воротничком, обращалась через проход к женщине по имени Валери с ледяным взглядом, сравнивала цены на недвижимость на Балеарских островах:

– На Ибике сейчас бешеные цены. *Бешеные*. Она снова вдруг стала шиком. Престиж и богема! Я бы выбрала какие-то другие острова. *Менорку*, а не Майорку для инвестиций. Так говорит Хэмиш. Рынок как раз для покупок. Знаю человека, который переоборудовал там усадьбу и учетверил ее стоимость! *Учетверил!*

Три женщины за тридцать, сидевшие впереди, собирались провести неделю в агроусадьбе на ретрите по йоге, но пытались выкроить время, чтобы посетить рынок хиппи и увидеть закат на пляже, чье название я забыла, едва услышав. Одна сказала, что

намерена не писать посты в «Инстаграм»^[12] и не заглядывать в «ТикТок» всю неделю.

Мальчик-подросток очень ласково объяснял маме про тиктокеров, ютуберов, рэпера по имени «Твенти Ван Севедж» и прочие символы нового мира, которые я на тот момент даже не надеялась понять. У него были такие теплые отношения с мамой. Я пыталась не думать о Дэниеле и просто радоваться за них. Мать была очень молода. Они сидели через проход от меня, и я видела их отчетливо. У матери были коротко стриженные черные волосы и футболка с надписью «Тейлор Свифт: Тур эпохи». Слово «эпоха» проникло в мой разум и отказывалось покидать его. Я думала о том, как войти в новую эпоху. Не просто перешагнув ряды надгробий на кладбище, но при жизни. Нужно подвести черту под тем, что ты делал до этого. В геологии это часто происходит после вымирания, верно же? Мезозойская эра закончилась массовым вымиранием динозавров из-за метеорита. Я гадала, начала ли я новую эпоху или же взяла с собой слишком многое. Это ведь и есть жизненное испытание? Двигаться вперед, не отрицая пройденное. Знать, за что стоит держаться, а что – отпустить, не разрушая себя. Стараться не быть метеоритом и динозавром одновременно.

А еще в переднем ряду рядом с туалетами сидела пара моего возраста, двое вежливо переговаривались, внимательно изучая книгу «Тайные тропы: Ибица и Форментера». Они обсуждали друг с другом то, что слышали об острове в передаче «Начни неделю» по Радио 4. Я загрустила. О, у них еще есть с кем разделить прогулки! Они выглядели такими уютными. Мне вспомнился документальный фильм о природе, в котором со светлой грустью рассказывалось о речных бобрах: чтобы запасти достаточно древесной коры, они находили себе пару на всю жизнь. И если один погибал до срока, другой был обречен.

В тот момент мне хотелось сжать руку Карла.

Ноги не вызывали проблем. Они не болели, разве что щиколотки чуть распухли, но к этому я уже привыкла. Я делала упражнения для икр, слегка шевелила ногами – танцевала медленный невидимый степ, чтобы кровь лучше циркулировала в венах. Мои бедра начинали затекать. Я старалась не думать об этом. Боль в суставах подобна скорби. Чем больше о ней думаешь, тем больше болит, но и *не* думать не можешь, потому что чертовски больно. Замкнутый круг.

Я ощутила, что похожа на памятник в своей молчаливой неподвижности: вот я сижу тут, посреди всей этой шумной жизни. Взглянула на кольца на левой руке. Обручальное кольцо и рубиновое помолвочное. Вспомнила, как Карл сделал мне предложение во второй раз, в библиотеке, где мы укрывались от дождя.

Я отказала ему в первый раз, за шесть лет до этого, в индийском ресторане в Халле, потому что мы были еще слишком молоды и кто-то должен был проявить здравый смысл.

Когда капитан самолета сообщил нам, на какой высоте мы летим, я изо всех сил сосредоточилась на красном камне, на воспоминаниях, которые скрывались в нем. А затем отвлеклась, прежде чем удариться в сентиментальность.

Кстати о воспоминаниях: по салону туда-сюда носили младенца. Мать целовала его в маковку, качала на руках. Когда-то мне было больно наблюдать такое. Тогда мне хотелось бросить преподавание просто потому, что приходится иметь дело с детьми – живыми, ездящими в школу на велосипедах, и их не сбивают фургоны! Я улыбнулась малышу, постаралась вложить в улыбку подлинное чувство. Но ребенок расплакался.

– Простите, – одними губами прошептала я его матери.

Она слегка насмешливо кивнула и усмехнулась мне.

Стюард торопливо прошел мимо, катя перед собой тележку с напитками, и я взяла у него джин с тоником, что было не вполне в моем духе и, возможно, не рекомендовалось с учетом недавней операции. Но я и так не слишком-то следовала рекомендациям врача.

Я должна была вставать, чтобы поддерживать циркуляцию крови в ногах, но слишком стеснялась, так что продолжала сидеть большую часть полета, делая упражнения тайком.

Потом мы попали в зону турбулентности. Клубным тусовщикам она понравилась.

Младенец снова заплакал.

Мы начали снижаться.

В иллюминатор я увидела скалистый берег, неровные зеленые холмы. Ленты золотых пляжей. Природный ландшафт тут и там был утыкан белыми домиками, кое-где виднелись скопления невысоких гостиниц и многоквартирных домов. Я заметила прибрежный островок в Средиземноморье. Головокружительно высокую необитаемую скалу

– как я вскоре узнаю, ее называют Эс-Ведро. Даже тогда, еще сидя в самолете, до начала всех событий, я ощутила при виде нее ужас и изумление. Прислушайся я к этому чувству, я бы, возможно, так и не покинула бы аэропорт, а первым же рейсом махнула бы домой. Но тогда мои чувства были притуплены, и я понятия не имела, что меня ждет.

Наконец мы приземлились.

Когда все встали и принялись оживленно собирать ручную кладь с верхних полок, чтобы разъехаться по запланированным маршрутам, я какое-то время сидела тихо. Несколько раз медленно и глубоко вздохнула, просто оставалась на месте. Будто бы часть меня все еще находилась в облаках и мне нужно было дожидаться, когда она спустится на землю.

Когда переносишь число с одной стороны уравнения в другую, это называется транспозицией. Я ощутила себя таким числом. Будто бы я не просто совершила короткий перелет в другую часть Европы, а меня транспонировали. Я пересекла невидимую границу, и теперь мне присвоят другой знак. Я обрету новую величину. Произойдет преобразование элементов уравнения. У меня возникло смутное, хоть и не новое для меня чувство, что я нарушила порядок вещей.

Аэропорт оказался роскошным. Стильным, светлым, блескел чистотой. И уже у выхода, возле ряда киосков, предлагавших в аренду автомобили, я обратила внимание на двух прощавшихся женщин. Обеим, подумалось мне, было под тридцать. Одна стояла спиной ко мне, блондинка. А другая была в очках, с непослушными пышными волосами, в джинсовых шортах и футболке. Я обратила внимание на футболку из-за изображенного на ней Эйнштейна. Того портрета, где ученый показывает язык. Женщина выглядела печальной. Они явно очень любили друг друга, но блондинка улетала куда-то. И я тихонько прошла мимо.

Темноволосая женщина увидела, что я смотрю на нее. Она улыбнулась – скорее инстинктивно, чем оскорбленная моим любопытством. По-доброму. От этого мне стало чуть легче в толчее аэропорта. Но я понятия не имела, что вскоре познакомлюсь с этой молодой женщиной, что мы даже подружимся. И я часто вспоминаю, как увидела ее сразу после приземления. Как это было странно.

Краешек последовательности, которую даже теперь я улавливаю лишь едва.

Я вышла на улицу, и воздух обдал меня жаром, словно из печки.

Я огляделась, пытаюсь сориентироваться. На здании большими красивыми буквами было написано: Eivissa^[13]. На каталанском. Ибица – испанский остров, и жители говорят по-испански, но каталанский считается вторым государственным языком.

Eivissa. Хорошее слово. Похоже на «обещание». Мне еще предстояло выяснить, что именно оно обещало.

Я поняла, насколько я обезумела. *Что я вообще творю?* Я не знала на острове ни души. Я не была за границей много лет. Не говорила по-испански, знание языка ограничивалось «muchas gracias», «por favor» и «patatas bravas»^[14]. И все же – вот она я. Без сомнения, здесь. Без сомнения, транспонирована.

За границей. Одна. И уже слегка напугана.

Начинается на «А»

У меня был с собой клетчатый чемоданчик, а еще адрес и конверт с ключом. Вот и все. Ничего больше. Мир сжался.

– В какую гостиницу? – спросил меня улыбчивый таксист, положив мой чемодан в багажник сверкающе белой машины, за которой выстроился ряд точно таких же.

Его крем после бритья пах лесной поляной, водитель был аккуратно подстрижен. С небольшой бородкой. В солнечных очках. Просто спортсмен из «Формулы 1», а не таксист. Сильный. Мог бы побороть быка голыми руками. Он поднял очки на лоб и взглянул мне в глаза. Английский с сильным акцентом, но вполне приличный. Я совершенно не умею судить о людях по выражению лиц, но у него было честное лицо и улыбка пай-мальчика. Мне он понравился. Но я все равно чувствовала себя не в своей тарелке. Жуткая жара, вывески на испанском и каталанском, необычайно голубое небо, новые автомобильные знаки, элегантное современное здание аэропорта песочного цвета. Я все пялилась на головокружительные пальмы, как ребенок на высоченных незнакомцев. Потерявшийся. Запутавшийся. Я понятия не имела, что делаю. Самым дальним местом, куда я путешествовала за последние четыре года, был супермаркет «Теско» на Кэнвик-роуд, так что, оказавшись в очереди за такси посреди толп туристов и багажа на колесиках, рядом с гигантскими пальмами, я ощутила себя первопроходцем. Дон-Кихотом в наряде от «Маркс и Спенсер».

– Здравствуйте. Hola. Нет. Мне не в гостиницу. Мне нужен дом... casa... casa... casa... ^[15]

У меня была ужасная английская привычка: мне казалось, что единственный способ преодолеть языковой барьер – почаще повторять одно и то же. Я передала ему адрес. Таксист посмотрел на него так, словно написано неразборчиво. Или будто адрес его немного встревожил. Я назвала дорогу, хоть он и мог ее прочесть:

– Carretera Santa Eulalia^[16].

Я явно произнесла с ошибкой, но он был вежлив. По крайней мере, сделал вид, будто совершенно этого не заметил.

Просто продолжал смотреть на адрес. Написанный от руки. И на лице его застыло выражение озабоченности.

– У меня ужасный почерк, – сказала я сконфуженно.

Но дело было не в этом.

– Я знаю этот дом... – произнес он тихо, уже без тени улыбки. – Я бывал там раньше.

– О. Неужели?

Он кивнул, взглянул на стоящего позади таксиста. Водитель постарше, лысый, опирался на свой автомобиль и курил, с нетерпением поглядывая на нас. Так что мы сели в машину.

– Все нормально? – спросила я.

Он немного помолчал. Затем отъехал от тротуара и будто бы переключился.

– Sí. Думаю, да. Тот дом... он стоит слегка поодаль от картинга, верно?

– Вообще-то, не знаю. Я тут новенькая.

– Навещаете родных?

«Родных». Какое милое и какое щемящее слово.

– Нет. Нет. Я никого не навещаю. Я собираюсь пожить в том доме. Я знала его хозяйку.

Казалось, ему есть что сказать на этот счет. Но он решил не комментировать.

Мы ехали мимо пальм, придорожных ресторанчиков, выцветших на солнце билбордов с рекламой ночных клубов, и тут нам перешел дорогу беззаботный петушок. Два старика, посмеиваясь, играли в шахматы на жаре под окнами простенького бара с древним помятым вендинговым аппаратом, рекламировавшим лимонную фанту. Мы миновали пару модных садовых центров с зарослями крупных кактусов и оливковых деревьев в кадках, стоящих во дворах на слепящем солнце.

Водитель приоткрыл свое окно. Я уловила запах можжевельника, сосны, цитруса. Сладкий аромат Средиземноморья.

Остров оказался зеленее, чем я ожидала. Не знаю почему, но я представляла его скорее засушливым, чем с пышной растительностью, и тут определенно было жарко и сухо, дома слепили белизной на ярком

солнце, но чем дальше мы уезжали от аэропорта, чем гуще становился сосновый бор на холмах. Вдали от дороги прямо среди деревьев стояли великолепные виллы. Одна находилась поближе к нам. Ярко-розовые и пурпурные соцветия бугенвиллеи усыпали стены, горделиво хвастаясь своей красотой. Я заметила извилистый ствол рожкового дерева.

– Я знаю этот дом... – повторил водитель. Но на этот раз, похоже, ему удалось поближе подобраться к тому, что он хотел мне сообщить. – Он стоит особняком у дороги. Туда приезжали люди. Часто там бывали.

– Люди?

– Да. Люди.

– Так. И что за люди?

– Разные. Один бородач, на нем не было ничего, кроме плавок. Старый уже. Он был ныряльщиком. Ну, таким... с аквалангом.

– Он знал ее?

– Думаю, да. Я дважды его туда возил. В последний раз с ним была женщина. Гораздо моложе него.

– Это были ее друзья?

– Не знаю. Должно быть, у нее было много друзей. К ней ездили целыми семьями. И еще туристы. Британцы, немцы, испанцы. Богач... хорошо одетый... я забрал его у ресторана возле отеля «Хард-рок». Он там ел. Он рассказал мне про ресторан. Самый дорогой в мире. Вы это знали? Самый дорогой ресторан в мире расположен прямо здесь, на Ибнице. Не в Париже. Не в Нью-Йорке. Не в Дубае. А здесь.

Водитель говорил это со странной смесью гордости и горечи.

– Он владеет гостиницами... забыл, как его зовут... имя начинается на «А»... А последней была женщина в слезах.

– В слезах?

– Я спросил ее, все ли у нее нормально, и она ответила, что скоро узнает, после визита. Но это еще не самое странное.

– Что же тогда?

– Однажды я увидел кое-что... но это безумие.

– Безумие?

Он кивнул в зеркало заднего вида:

– Да. Свет. Яркий свет. Он шел из дома. Из окон... я проезжал мимо... Это... как сказать? Из-за него было трудно видеть. Я чуть с дороги не съехал.